

Секция «Журналистика»

Миф о вечном возвращении: полемика Ницше и Борхеса

Кияшко Андрей Владимирович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет журналистики, Москва, Россия

E-mail: ankey88@mail.ru

"...Вечное Возвращение принадлежит к тем сюжетам, или страхам, или забавам, которые вечно возвращаются..."

Х.Л.Борхес

Миф о вечном возвращении продолжает будоражить умы философов и писателей.

В 20 веке этот миф являлся предметом спора, отдаленно напоминающего средневековую полемику об универсалиях - а именно, можно ли принять на веру ницшеанскую (натуралистическую) концепцию вечного возвращения, которая имеет ввиду дословное и точное повторение всего.

В жесткую полемику с немецким философом вступает аргентинский писатель (чьё творчество прочно связано с философскими концепциями) Хорхе-Луис Борхес.

В своем "Учении о циклах" Борхес отрицет миф о вечном возвращении в том его виде, который представлял немецкий философ. Беря за основу теорию о том, что количество атомов во вселенной конечно - поэтому количество их комбинаций ограничено - Борхес примеряет ее на теорию Георга Кантора и приходит к выводу, что это сравнение разбивает учение заратустры в пух и прах.

Но испанский исследователь Хавьер Акоста Эскареньо в своей работе "Шопенгауер, Ницше, Борхес и вечное возвращение" иронизирует над этим опровержением.

Он считает, что автор "Истории вечности" попадает в ту же ловушку, что и парадокс Ахиллеса и черепахи, который он пытается экстраполировать; что Борхес путает невозможность вычислить движение с невозможностью самого движения.

"Этот аргумент Борхеса можно использовать, чтобы изничтожить такие его произведения, как "Вавилонская библиотека" или "Вавилонская лотерея". Там нет чисел, материи - только время и тема вечного возвращения."

И Борхес, очевидно не удовлетворившись своим опровержением сам, в следующем произведении, посвященном этой теме (Циклическое время), уже классифицирует вечное возвращение на три типа (по Платону, по Ницше и "идея подобных, но не тождественных циклов") - при этом третий тип он находит вполне вообразимым.

Архетип повторяемости встречается у Борхеса в таких рассказах, как "Тлён, Укбар и Орбит Терциус в том своем аспекте, который отличается от модели, описанной Платоном. В концепции Борхеса речь идет об объектах без высшего оригинала. То, что должно быть идеальным объектом, выходит за грань временной логики Платона и сводится к такому объекту, которого не было в первобытные времена. В Тлёне объекты копируются, но не в той последовательности, которую описывает Платон в "Республике не в "периодическом процессе"- в Тлёне объекты "дублируются" и временами копии превосходят по качеству "оригиналы а иногда и повторяют оригинальные характеристики объекта.

Похожий вариант этой мысли сформулирован в "Вавилонской библиотеке". Этот вариант сходен с тем, как описывает свой миф о вечном возвращении Ницше. В нем повторяются не индивиды, а цепи событий, которые в результате приводят к формированию индивида. Речь идет о повторении мира со всеми последовательностями событий в нем, в микро и в макро масштабе. Эскареньо считает, что фактором, который примирает Борхеса с вечным возвращением является то, что оно перестает быть для него продуктом закона, предопределенности - а становится, скорее, продукт случайного стечения обстоятельств, который, став предметом реальности, не может не стать частью вечного становления.

Позднее современный философ Мераб Мамардашвили выведет похожую классификацию вечного возвращения, на основе исследования произведений Марселя Пруста.

Главным отправным пунктом для советского философа является идея событийности мысли, что выражается как на уровне ее эмпирической выполненности, так и на трансцендентальном уровне выполненности ее возможностей. Возможность мысли не вытекает из «естественных» условий разумности человека. Выполненность возможностей мысли обусловлена и цивилизационно (третий принцип К), и экзистенциально-исторически (метафизическое апостериори).

Мамардашвили считает, что «Повторение иного» невозможно для внешнего рефлексующего наблюдателя. Для внутреннего же «наблюдателя», а точнее, участника повторения оно предстает как парадоксальное возвращение вечно нового, поскольку «непроизвольное воспоминание» связано с новизной извлеченного понимания.

По его мнению, «Повторение иного» не является возвращением к оригиналу, понятию натуралистически, как объективно существующее и наглядно регистрируемое состояние или вещь, но и не является размножением «копий» этого «оригинала». Перебирание копий, наоборот, исключает возможность повторения как вечного возвращения бытийных возможностей однажды выполненной мысли. Повторение происходит не на уровне сущего, а на онтологическом уровне вечной новизны бытия. Трансцендентальный эмпиризм философии вечного возвращения состоит, как это дает нам почувствовать Борхес, в совпадении в выделенном моменте «непроизвольного воспоминания» эмпирического уровня восприятия этого проулка или пения этого соловья –и трансцендентального уровня –незапамятного, незабвенного, того, чего не было в эмпирическом прошлом, но что можно только помнить, того, чего не было и не будет, но есть.

«Вспомните, пирожное "мадлен" у Пруста, которое он ест, –и вдруг всплывает так называемое непроизвольное воспоминание, и через "мадлен" всплывает весь мир прошлых наблюдений, переживаний. Мир был заключен в "мадлен". Будучи заключен в "мадлен" он был отлучен от Пруста. Пруст отделил свою душу от своего тела: его тело живет –он сидит в какой-то квартире, пьет чай, рядом служанка, которая его обслуживает, –а душа его ненамеренно, непроизвольно, случайно уложилась в "мадлен"...»

В итоге мы приходим к тому, что в 20 веке философы приходят к осмыслению мифа о вечном возвращении как о функции сознания, даже подсознания, которая участвует в осмыслении реальности. Спор Борхеса с Ницше как нельзя более показателен - буквально в вечное возвращение верить глупо, но еще глупее отрицать то, что человеческое сознание и подсознание всегда будет обращено в прошлое, всегда будет стремиться вернуться к идеализированному и мифологизированному воспоминанию (совершенно не бязательно имеющим отношение к реальному положению вещей). И Борхес, понимая

это, приписывает Шопенгауэру следующую цитату: "«Если я скажу вам, что играющий во дворе серый кот — тот самый, который прыгал и проказничал пятьсот лет назад, вы вольны думать обо мне что угодно, но еще большая нелепость полагать, что это какой-то другой кот"

Литература

1. Борхес Х.Л. Собрание сочинений в 4 т., СПб. : Амфора 2011, 2й том
2. Escareño J.A. Shopenhauer, Nietzsche, Borges y el eterno retorno, Madrid, 2007
3. Воронина Н. Ю. Концепты вечного возвращения и «воспоминания иного» Mikstura verborum'99: онтология, эстетика, культура: Сб. ст. / Самар. гуманит. акад.; Под общ. ред. С.А. Лишаева. – Самара, 2000. – 200 с. стр.5-14
4. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995.